

КОЛЕЧКО ДЛЯ ПОПАДАНКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василий Петров

Колечко для попаданки

<https://litres.ru/74655347>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что бывает, когда в мир меча и магии попадает не избранная героиня, а обычная студентка с чувством юмора и дипломом клининг-менеджера?

Магия здесь — это строгая отчетность, драконы платят налоги, а за разблокировку древних порталов нужно писать заявление в трех экземплярах. Для Елены Воронцовой, «Истока» с неконтролируемой силой, это стало бы катастрофой, если бы не двое мужчин, решивших присвоить ее себе: Рагнар — берсерк, решающий проблемы ударом топора, и Кайрен — высокомерный эльф, предпочитающий ледяные заклинания и нотации.

Запертая между Советом, Инквизицией и древним злом, Елена понимает: чтобы выжить, ей нужно не спасать мир, а собрать самую некомпетентную Гильдию в истории и научиться воровать чайники.

Любовный треугольник, черный юмор и магия, которая отказывается работать по инструкции.

Василий Петров

Колечко для попаданки

Глава 1

«Часть 0. Москва. время 19:42»

Теория относительности Эйнштейна — это полная чушь, когда ты стоишь на коленях в женском туалете торгового центра «Галерея» в восемь вечера. Здесь время не просто замедлялось, оно сворачивалось в тугую, пахнущий хлоркой и чужой мочой узел.

Елена со злостью шоркнула жесткой щеткой по кафелю. Звук получился мерзким,

скрежещущим, похожим на вопль умирающей банши.

— Воронцова! — прохрипела рация на поясе, перекрывая гул фена из соседней сушилки.

— Ты там корни пустила? У меня поставщик через сорок минут акт приемки подпишет, а у тебя в третьей кабинке инсталляция из тампонов, достойная выставки! Давай шустрее, или я из твоей премии «Анну Каренину» устрою!

— И вам пламенный привет, Пал Михалыч — не оборачиваясь, процедила Елена. — Я

работаю над концепцией. Называется «белое на красном». Сюрреализм,

постмодернизм и легкая обреченность.

— Я тебе сейчас устрою обреченность! — рывкнул начальник. — Швабру в руки и погнала!

Елена со вздохом стянула резиновую перчатку и вытерла лоб тыльной стороной ладони.

На лбу остался черный след от принтерной краски — утром она пыталась повернуть старую студенческую уловку и чуть-чуть расширить поля в курсовой по «Опричнине

Ивана Грозного», чтобы дотянуть до нужного объема. Принтер зажевал бумагу, брызнул чернилами ей в лицо, а курсовая все равно ушла на доработку.

«Идеальный день — подумала она, глядя на свое отражение в треснувшем зеркале над раковиной. — Просто эталон».

На нее смотрела не студентка истфака МГУ, а загнанная лошадь. Короткий каштановый боб, который она утром укладывала сорок минут, теперь напоминал воронье гнездо, в которое попала молния. Под глазами цвета уставшей весенней травы залегли тени, которые не брала ни одна корректирующая пудра.

Она ненавидела эту работу. Ненавидела с той же холодной, академической яростью, с какой изучала падение Римской империи. Она знала слишком много. Когда ты читаешь подлинные письма опальных бояр, где за витиеватыми извинениями скрывается смертный приговор, современный мир кажется дешевым балаганом.

Люди вокруг были плоскими. Двумерными. Они переживали из-за лайков, ипотеки и того, что в кафе напротив, закончилось кокосовое молоко.

Елена переживала из-за того, что человечество раз за разом наступает на одни и те же грабли, только грабли теперь были с тефлоновым покрытием и доставкой на дом.

Ей отчаянно хотелось масштаба. Настоящей грязи. Настоящей крови. Настоящей магии, в конце концов.

«Докатилась, Воронцова — усмехнулась она сама себе, набивая в ведро ледяную воду.

Скоро начну ждать письмо из Хогвартса. Или хотя бы визит Арагорна. Хотя нет, Арагорн бы сюда не зашел, тут пахнет нарушением всех конвенций».

Она закончила с «инсталляцией», спустила воду, брезгливо морщась, и вышла в коридор.

Торговый центр гудел. Это был улей. Безликая масса, текущая мимо витрин с

одинаковыми лицами, освещенными синими экранами смартфонов. Никто не смотрел по сторонам. Никто не видел красоты лепнины на потолке или игры света в гранях

стеклянного купола. Они просто потребляли пространство.

Елена поправила на шее брелок. Дешевая пластиковая свистулька в виде полярной совы, купленная в переходе за десять рублей у таджика. Она не свистела — клапан давно забился грязью. Это была абсолютно бесполезная вещь. В мире, где Елена привыкла оценивать все с точки зрения КПД, эта сова была ее личным бунтом. Она просто была.

Рация снова затрещала.

— Лен, ты скоро? Мы в кафе на против, на третьем. Тут такой экземпляр... — голос Алиски стал томным, как у кошки, нашедшей валерьянку. — Глаза зеленые, как у кота из мультика, руки как у лесоруба, а вены на руках — просто закачаешься. Приезжай, я тебе его покажу, пока не утащила в подсобку дегустировать карамельный макиато.

Алиса. Ее спасательный круг. Единственная подруга, которая понимала, что такое

«выгореть» не по учебникам психологии, а на практике. Алиса тоже была

«понаехавшей», но она быстро сориентировалась, сменила саратовский говор на

московский снобизм и теперь продавала воздух в рекламном агентстве за суммы, от которых у Елены дергался глаз.

«Еду» — напечатала Лена, спускаясь на эскалаторе.

Она вышла на парковку. Октябрь в Москве — это диагноз. Серое небо давило на плечи, мелкий дождь смешивался с грязью, а воздух пах бензином, мокрым асфальтом и безнадёгой.

И в этот момент мир моргнул.

Это не был порыв ветра. Ветер в Москве пахнет гарью. Этот воздух был сладковатым, как озон после прямого попадания молнии в трансформаторную будку, и горьким, как полынь на пепелище.

Звук города выключили.

Не сделали тише. Не приглушили. Просто выдернули вил-

ку из розетки. Музыка из

динамиков, гул моторов, визг тормозов, разговоры — все исчезло. Вакуум. В ушах остался только тонкий, высокочастотный звон, от которого заныли зубы.

Елена замерла, вцепившись в поручень тележки со швабрами так, что побелели костяшки.

Стеклянные двери «Галереи», которые только что выпустили толпу людей, начали

покрываться изморозью. Но это была не обычная изморозь. Узоры складывались в

строгие, геометрически выверенные линии. Древние руны. Елена видела такие в

факсимильных изданиях кельтских манускриптов.

— Что за бред — прошептала она, но слова замерзли в воздухе облачком пара.

Прямо посреди парковки, где обычно стоял «Гелендваген» местного авторитета, воздух пошел рябью. Как вода в болоте. Пространство дрожало, искажалось, и сквозь него проступали очертания чего-то огромного, темного и невероятно древнего. Тень, которая была чернее самой ночи.

Свистулька сова на шее Елены внезапно стала обжигающе ледяной. Пластик не мог так остыть. Это была температура открытого космоса. Металл, из которого были сделаны глаза совы, внезапно начал светиться изнутри тусклым, пульсирующим багровым светом, словно в пластик залили раскален-

ную лаву.

— Допрыгалась— выдохнула Елена, чувствуя, как ноги становятся ватными. — Белочка.

Белая, горячая, с крылышками и справкой из Кащенко.

Она попыталась сделать шаг назад, к дверям ТЦ, но тело не слушалось. Гравитация

сошла с ума. Тяжелая металлическая тележка со швабрами, ведром и рулоном бумажных полотенец медленно, величественно оторвалась от мокрого асфальта и поплыла вверх, к серым небесам.

Озоновый запах стал невыносимым, он выжигал слизистую носа. Боль в груди ударила внезапно — острая, разрывающая. Будто кто-то невидимый схватил ее за ребра и попытался вытряхнуть душу, как пыль из ковра.

Последнее, что зафиксировало ее угасающее сознание в реальном мире — это

собственное отражение в темном стекле витрины магазина.

Но на этот раз она была там не одна.

За ее плечом стояла высокая фигура, сотканная из абсолютной, первобытной тьмы. У фигуры не было лица, только провал капюшона. Фигура медленно, с текучей грацией хищника, подняла руку в латной перчатке. Пальцы, длинные и тонкие, коснулись плеча Елены.

Мир не взорвался. Он осыпался.

С хрустальным звоном разбитого витража, миллиардом

осколков, которые падали в
абсолютную тишину.

«Часть 1. Гравитация — это просто плохая привычка»

Приземление было мягким.

Это было первое, что удивило Елену. Второе — отсутствие запаха хлорки.

Она открыла глаза.

Над головой шумела листва. Огромные, с хороший обеденный стол листья,

переливающиеся всеми оттенками изумруда и серебра. Сквозь них пробивался свет двух солнц: одно — привычное, золотое, заливающее все теплым медом; второе —

бледно лиловое, холодное, похожее на ночную лампу в кабинете стоматолога.

Она лежала на чем-то упругом. Пальцы зарылись во что-то бархатистое, пахнущее

дождем, мхом и почему-то дорогим, тяжелым мужским парфюмом с нотами сандала и чего-то пряного.

— Она дышит— произнес голос над ней.

Голос был похож на хруст свежего наста под стальным лезвием конька. Идеальный

баритон, в котором не было ни одной лишней вибрации, ни одной человеческой эмоции.

Елена резко села. Точнее, попыталась. Что-то невидимое,

но физически плотное, как

стекло, удерживало ее за плечи, прижимая обратно к земле.

— Я бы не рекомендовал совершать резких движений— посоветовал голос. — Ваша

скелетная структура имеет крайне забавную для этого мира конфигурацию. Выглядит

так, будто вас собирали в темноте и наугад. Одно неловкое усилие, и тазобедренный сустав может покинуть посадочное место.

Елена повернула голову.

Рядом с ней на корточках сидел ангел. Или эльф. Или фотешоп, обретший плоть.

Он был нереально красив той самой, стерильной красотой, которая вызывает желание проверить срок годности. Платиновые волосы, белые, как свежесыпавший снег, были заплетены в сложную косу, унизанную серебряными кольцами. Кожа цвета алебаstra, без единого изъяна. И глаза. Это были не глаза, а два осколка полированного серебра, в которых не было зрачков — только отражение двух солнц и ее собственного перепуганного лица.

Одет он был в камзол цвета слоновой кости. Ткань выглядела так, словно ее только что выгладили. На ней не было ни пылинки. Ни складочки. Рядом с ним Елена в своей синей униформе, пахнущая потом и дезинфекцией, чувствовала себя бомжом, который случайно забрел на закрытый при-

ем в Букингемский дворец.

— Ты кто, глюк? — хрипло спросила она. Горло драло, как будто она глотнула битого стекла.

Бровь эльфа — а это был именно он, уши выдавали их с потрохами, острые, как

наконечники стрел, и такие же хищные — едва заметно дернулась вверх. На миллиметр.

Для него это, видимо, было равносильно истерике.

— Я — Кайрен из Дома Серебряной Луны. Дипломатический атташе Объединенных

Континентов. А вы, судя по составу ткани вашего одеяния (полиэстер семьдесят

процентов, отчаяние тридцать) и запаху агрессивных щелочей, нарушили как минимум три протокола пересечения границы, одно правило гигиены и закон сохранения массы.

— Запах щелочи? — возмутилась Елена, пытаясь нащупать на шее сову. Пусто. На месте

брелока осталась лишь красная, воспаленная полоса, словно от ожога. — Да я

моющим средством надышалась, чтобы такие, как ты, могли по своим паркетам ходить, не поскользываясь на слизи! Отпусти меня, Снегурочка. У меня радикулит от швабры.

Кайрен моргнул. Его серебряные глаза на секунду потемнели, в них проскользнуло

что-то похожее на шок.

— Вы не проявляете должного трепета. Статистически,

девятьюстами четыре процента

смертных при виде Высших эльфов либо падают ниц в кататоническом ужасе, либо

начинают непроизвольно испражняться. Оставшиеся шесть процентов — это либо

безумцы, либо орки. Вы предлагаете мне отпустить вас, используя

уменьшительно ласкательные суффиксы. Это... статистическая аномалия.

— Я историк— буркнула Елена, надавив на невидимую преграду. Магия эльфа, видимо, давала сбои при столкновении с наглостью. Стекло поддалось. Она села, отряхивая колени. — Я видела, как падали империи, которые проявляли «должный трепет». Так что давай к делу, остроухий. Где я? И где тут у вас станция метро «Библиотека ...»?

Кайрен медленно выпрямился во весь свой исполинский рост. Он был выше ее почти на две головы. Движение было текучим, абсолютно бесшумным.

— Вы на континенте Алариион. Это владения моего народа. Выхода нет. Портал, через который вы прошли, был односторонним. Это ловушка, расставленная на совершенно другую дичь. Вы — побочный ущерб.

— Ловушка? — Елена тоже встала. Ноги дрожали, но злость — отличный костыль. —

Слушай, ушастый. Я сегодня выгребала чужие волосы из слива. Я не в том

эмоциональном ресурсе, чтобы слушать про порталы и побочный ущерб. Мне нужен полицейский участок, стакан воды и таблетка обезбола. И где, черт возьми, мой профсоюз?

Она сделала шаг вперед, намереваясь обойти его, и тут же врезалась во что то твердое, горячее и очень громко ругающееся.

— Какого дьявола ты тут пляшешь, женщина?! — рявкнули ей прямо в ухо с такой силой, что зазвенело. — Ты ослепла?! Под ноги смотри, когда идешь!

Елена отлетела назад, сбитая с ног не столько ударом, сколько акустическим напором.

Она приземлилась на пятую точку. Снова.

Перед ней стоял мужчина.

Если Кайрен был высечен из льда и лунного света, то этот был выкован в адской кузне пьяным мастером, который постоянно промахивался молотом.

Огромный. Таких не бывает. Широкие плечи едва не застревали между стволами

деревьев. Грудь вздымалась от быстрого шага, на мощной шее пульсировала толстая вена. Рыжая, с медным оттенком щетина покрывала его квадратную челюсть, а глаза цвета болотной тины, в которой утопили трактор, смотрели на нее с яростью разбуженного медведя, которому наступили на больную мозоль.

Он был одет в кожаные штаны, заляпанные грязью так,

что первоначальный цвет

угадывался с трудом, и жилетку на голое тело. Жилетка не сходилась на груди, открывая вид на татуировки. Черные, грубые линии складывались в морды скалящихся волков. И эти морды, Елена готова была поклясться, двигались. От него пахло потом, дешевым элем, кровью, порохом и раскаленным железом.

— Рагнар— процедил Кайрен, и в его идеальном голосе впервые послышалось

раздражение, похожее на скрип пенопласта. — Я же просил соблюдать тишину. Ты

пугаешь артефакт.

— Артефакт? — Рагнар сплюнул на изумрудную траву тягучей желтой слюной. — Ты

посмотри на нее, эльф. Это же человек. У нее на лице написано, что она вчера перебрала с винишком и теперь ненавидит весь мир. Какой, к демонам Тверди, артефакт? Она даже на зачарованный клинок не тянет, максимум — на сковороду.

Елена сжала кулаки. Боль в ушибленном копчике смешалась с чистой, незамутненной яростью.

— Эй, шкаф на стероидах! — рявкнула она, поднимаясь на ноги. — Я тебе не «лицо», я —

Елена Воронцова! И я не перебрала, я надышалась испарениями! А теперь кто-нибудь из вас, мальчиков по вызову из службы эскорта, объяснит мне, где мой телефон, и вызо-

вет

гребаное такси! У меня Михалыч премию заберет!

Рагнар замер. Его челюсть, заросшая рыжей щетиной, медленно отвисла. Он смотрел на нее несколько секунд, переваривая информацию. А затем запрокинул голову и расхохотался.

Это был не приятный смех. Это был грохот горного обвала. Он смеялся так, что с

ближайшего дерева посыпалась сухая листва, а где-то вдалеке взлетела стая птиц.

— Клянусь печенками Груумша— пророкотал он, вытирая выступившие от смеха слезы тыльной стороной ладони, похожей на лопату. — Она мне нравится! Кайрен, ты притащил боевого хомяка? Она меня только что сожрать пыталась! Зубки то, зубки, глянь!

— Она не артефакт— холодно ответил Кайрен, глядя на Елену теперь уже не с

раздражением, а с исследовательским интересом патологоанатома. — Она — попаданка.

И судя по уровню магического фона, который она излучает в состоянии паники, она — не побочный ущерб. Она — катастрофа.

— Я не фон! — возмутилась Елена, одергивая свою синюю жилетку. — Я человек! У меня смена до восьми, у меня курсовая по Ивану Грозному не написана, и у меня голова кружится! Я хочу домой!

— Иван Грозный? — Рагнар шагнул к ней. От его жара у Елены пересохло в горле, а

кончики волос затрещали от статики. — Это тот парень, который рубил бошки своим боярам, потому что они плохо кланялись? Мой человек. Одобряю.

Он навис над ней, как скала. Как цунами. Елена почувствовала, как по позвоночнику

пробежал липкий, первобытный страх. Инстинкт кричал: «Беги». Но вместе со страхом пришло что-то совершенно неуместное, горячее и темное. От этого мужика веяло такой первобытной, животной силой, что рядом с утонченным, холодным Кайреном хотелось втянуть живот и поправить прическу. А рядом с этим варваром хотелось либо дать ему по морде, чтобы проверить, не сломается ли рука, либо вцепиться в его кожаный жилет и проверить, настоящие ли у него мышцы, и не горят ли они под пальцами.

— Отойди от нее— голос Кайрена упал на октаву ниже, став опасным. — Ты нарушаешь карантинную зону. От тебя разит перегаром на три мили. Ты спугнешь ее дар своим амбре.

— Дар? — фыркнул Рагнар, но все же отступил на полшага, скрестив руки на груди.

Бицепсы вздулись так, что кожа жилетки затрещала по швам. — У нее дар полы мыть?

Она же тупая, как пробка. Смотрит на меня, как на витрину с колбасой.

— Я смотрю на тебя, как на причину моего микроинсульта! — огрызнулась Елена.

Она переводила взгляд с одного на другого.

Ситуация была настолько абсурдной, что мозг просто отключил функцию паники и

перешел в режим документирования.

Высокий, идеальный, смертоносный ледяной принц. И огромный, заросший,

смертоносный дикарь.

И она. В синем жилете с надписью «Ваше спокойствие — наша работа».

— Так— Елена выставила вперед руку ладонью вперед, как регулировщик. — Тайм аут. Я сейчас, видимо, лежу в коме в НИИ Склифосовского, мне промывают желудок, а вы мне снимаетесь. Очень реалистичный бэд трип. Поэтому давайте по протоколу. Ты— она ткнула пальцем в Кайрена. — Ты у нас за умного. Где я?

— Аларион— терпеливо, как учительнице в начальной школе, повторил эльф. —

Континент магии Воздуха. Вас выкинуло из нестабильного разлома в Железном

Пределе.

— Железный Предел? — переспросила Елена.

— Континент людей, наемников и грязи— любезно пояснил Рагнар, ковыряясь мизинцем в зубах. — Мы сейчас на границе, в Закатном лесу.

— Отлично — кивнула Елена. — А вы кто такие и почему на вас нет масок? У нас в метро за такое штрафуют. И вообще, у меня аллергия на шерсть.

Она демонстративно чихнула, глядя на меховые вставки на сапогах Рагнара.

Рагнар снова заржал, и на этот раз к нему присоединились еще десятка два луженых глоток откуда-то из кустов. Елена только сейчас заметила, что они здесь не одни. Между деревьями замерли тени — вооруженные до зубов воины в волчьих шкурах.

— За мой счет! — гаркнул варвар, стукнув кулаком по стволу дерева. Дерево содрогнулось.

— За попаданку, которая чистит сортиры! Наливай! Эй, Гарт, тащи эль!

Елена закрыла лицо руками.

Это был не сон.

Это была самая дорогая, самая грязная и самая шумная поездка в ее жизни.

И она только что поняла, что оставила в том лесу не только свой брелок, но и ледяного эльфа с серебряными глазами, который смотрел на нее так, будто она — сломанный, но очень интересный прибор.

А варвар с татуировками, пахнувший потом и свободой, смотрел на нее так, будто она — самый сочный кусок мяса в его рационе. И судя по тому, как он пододвинул к ней свою кружку, которую достал из воздуха, делиться этим «куском»

он ни с кем не собирался.

Любовный треугольник, о котором пишут в бульварных романах, обычно начинается с букетов роз, серенад под балконом и томных взглядов.

Треугольник Елены Воронцовой начался с ведра эля, запаха хлорки в анамнезе и вопроса Рагнара, который протягивал ей кружку:

— Ну что, боевой хомяк? Жрать хочешь? А то ты бледная, как эльф после налоговой

проверки. Держи, это согревает. Только не нюхай, пей сразу.

Елена посмотрела на кружку. От нее пахло медом, хмелем и тестостероном.

Она посмотрела на Кайрена. Тот стоял, брезгливо поджав губы, словно от запаха эля у него могла завестись перхоть.

— Знаете что, мальчики— Елена взяла кружку. — Я сегодня чуть не утонула в унитазе. Я заслужила.

Она сделала большой глоток.

Мир перед глазами качнулся еще раз. Но на этот раз — от крепости градусов в пятьдесят.

— Ох... — выдохнула она, чувствуя, как жидкий огонь стекает в желудок. — Это что, бензин?

— Это «Поцелуй тролля» — гордо сказал Рагнар. — Лучший эль на три континента.

— В моем мире за это дают права — прохрипела Елена.

— И лишают печени.

Она сделала еще один глоток, чтобы унять дрожь в руках.

Треугольник обещал быть очень, очень горячим. И пахнущим перегаром.

«Глава 2. Теория разбитого корыта и бытовой магии»

Переход между мирами всегда описывают в балладах как нечто возвышенное. Вспышка света, зов судьбы, падение в объятия прекрасного принца.

В реальности переход между мирами — это тяжелейшее похмелье, запах псины и

осознание того, что твой единственный комплект одежды пахнет дезинфицирующими средствами, которые в этом мире, скорее всего, приравняются к оружию массового поражения.

Елена проснулась от того, что кто-то настойчиво тыкал ей в ребра носком сапога.

— Подъем, боевой хомяк — пророкотал над ухом голос Рагнара. — Солнце уже час как встало. Или солнца. Я в вашей астрономии не силен.

Елена разлепила один глаз.

Она лежала на расстеленном меховом плаще прямо на земле. Вокруг шумел тот самый Закатный лес. Лиловое солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая листья в цвет дешевого вина. Золотое, видимо, ушло спать раньше.

— Если ты еще раз назовешь меня хомяком, я найду твой меховой плащ и сделаю из него шапочку, а тебя сдам инкви-

зиции как йети— прохрипела она, пытаясь сесть.

Во рту стоял вкус медной стружки и дохлой мыши. Голова гудела, как соборный колокол.

«Поцелуй тролля» оказался не просто забористым, он оказался токсичным.

— О— Рагнаг оскалился в ухмылке, от которой у обычного человека случился бы

инфаркт. — Зубки показываем? Мне нравится.

Он присел на корточки рядом. Вблизи он выглядел еще огромнее. И грязнее. В его

рыжую бороду намертво вцепились сухие листья и какая-то паутина.

— Вставай— он протянул ей руку. — Кайрен психует. Говорит, твой «магический фон» фонит так, что у него уши вянут. И еще он нашел воду.

— Вода — это хорошо— Елена проигнорировала протянутую руку, поднявшись

самостоятельно. Мышцы, о существовании которых она не подозревала, ныли так,

словно она вчера в одиночку разгрузила вагон с углем. — Мне нужно умыться. И

почистить зубы. И желательно сжечь эту жилетку.

Она посмотрела на свою униформу. Синий полиэстер покрылся серым налетом лесной пыли, а на животе красовалось жирное пятно от того самого эля.

— Умойся— Рагнар кивнул в сторону ручья, весело жур-

чавшего между корней.

Он щелкнул пальцами, и от его руки отделился сгусток пламени размером с яблоко, зависший над ладонью— держи. Зубы почистишь. Только не глотай, а то язык облезет.

Мятный.

Елена замерла.

Огненный шар. Просто висит в воздухе. Пахнет озоном и жженой шерстью.

— Это... магия? — тупо спросила она.

— Ну не метеор же— фыркнул варвар. — Огненная руна второго круга. Бытовуха.

Он небрежно бросил шар ей. Елена инстинктивно вскинула руки, ожидая ожога, но пламя оказалось прохладным. Оно легло в ладони приятным, уютным теплом, как кот.

— Бытовуха? — переспросила она, замороженно глядя на огонь.

— Ну да— Рагнар пожал плечами, от чего его татуировки волки на плечах хищно

дернулись. — Боевая магия — это когда ты взрываешь горы. А бытовая — это когда тебе лень идти к ручью или разжигать костер спичками. У вас там что, в Железном Пределе, совсем дикие живут, раз ты шарахаешься от руны обогрева?

— У нас там спички— буркнула Елена. — И центральное отопление.

Она подошла к ручью. Вода была ледяной и кристально

чистой. Елена опустилась на

колени, зачерпнула воду ладонями и плеснула в лицо. Холод обжег кожу, приводя в чувство.

Она посмотрела на свое отражение.

На нее глядела чумазая, растрепанная фурия с глазами щелками.

— Так, Елена Викторовна— сказала она своему отражению. — Ты хотела магии? Получи и распишись. Теперь у тебя в руках граната с ментолом.

Она повернулась к Рагнару.

— А как этим... пользоваться?

Рагнаг хмыкнул, подошел ближе. От него пахнуло жаром и кожей. Он навис над ней,

заглядывая в ладони.

— Сосредоточься. Чувствуешь тепло?

— Чувствую. Оно щекочет.

— Вот. Теперь представь, что это щетка. Жесткая. И трешь зубы. По часовой стрелке.

Елена закрыла глаза. Представила зубную щетку. Электрическую, которую она забыла в общаге.

Она начала совершать круговые движения ладонями, в которых лежал шар. Сначала

ничего не происходило. А потом по деснам ударил такой ментоловый разряд, что Елена подскочила, выплюнув сгу-

сток огня обратно в ручей. Пламя зашипело и погасло.

— А! Чтоб тебя! — она схватилась за челюсть. — Садист! Это не мята, это кислота!

— Я говорил, не глотать— философски заметил Рагнар, явно сдерживая смех. — Зато

кариеса не будет до конца жизни. Которая, кстати, может закончиться очень быстро,

если мы не двинемся.

— Куда двинемся? — Елена прополоскала рот ледяной водой. Зубы действительно

скрипели от чистоты, а язык онемел. — И вообще, где мой телефон? Где мои вещи? У меня там паспорт, проездной и последние пятьсот рублей!

Рагнар перестал улыбаться. Его лицо стало серьезным, почти мрачным. Он подошел к огромному баулу из шкур, лежащему под корнями вывороченного дерева.

— Твои вещи остались там. В разломе. Портал сжег все, что было неорганическим.

Металл плавится, пластик испаряется.

Он порылся в сумке и достал сверток из грубой холстины.

— Кайрен, добрая душа— в голосе варвара послышалась ядовитая ирония, —

побрезговал давать тебе свои шелка. Сказал, что от запаха «Доместоса» у него

начинается экзема. Но это чистая шерсть. Надевай.

Он бросил ей сверток. Елена поймала его на лету. Ткань

была тяжелой и теплой.

— А размер? — пискнула она.

— Эльфийская магия— пожал плечами Рагнар. — Подстроится. Только не пугайся, если в процессе у тебя вырастут рога. Кайрен любит такие шутки.

Елена скрылась за ближайшим густым кустом папоротника, чтобы переодеться.

Шерсть действительно оказалась мягкой. Длинная рубаха из некрашеного полотна и плотная юбка-брюки. Когда она продела руки в рукава, ткань на секунду вспыхнула серебристым светом и начала сжиматься, подстраиваясь под ее фигуру. Через мгновение одежда сидела как влитая, нигде не жала и не болталась. Тепло окутало тело, прогоняя озноб.

Когда она вышла из-за куста, Рагнар присвистнул.

— А ты фигуристая, хомяк. Почти как медведица Беатриса. Только шерсти меньше.

— Я тебе сейчас эту шерсть в глотку затолкаю— пообещала Елена, чувствуя, как щеки заливают румянец. Не от холода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.